

КОНФЛИКТЫ И ХАРАКТЕРЫ

Литература продолжает поиск. Каждодневный, упорный, разнонаправленный и разнообеспеченный поиск, в котором объединяются усилия сотен самобытных дарований, каждое из которых идет к художественной правде своим путем, часто очень не простым и не бесспорным.

Давно уже прошли времена, когда эволюция писательской мысли воспринималась лишь по законам прямолинейного движения, сквозь призму схемы — вперед и выше. Нет, индивидуальное художественное познание меньше всего напоминает полет стрелы или взлет космической ракеты, когда каждая ее новая ступень дает новое ускорение. Это, скорее, движение в среде с максимальным сопротивлением, с многочисленными и неизведанными преградами. Это, скорее, прерывистый бег весеннего ручья по целине, по неровной тернистой земле, движение трудное, с остановками, с задержками, с пеглянием и зигзагами, но упорное, неостановимое. Пока хватит сил у ручья, будет он бежать к большой воде, к своему океану, по дороге питая землю, творя жизнь вокруг. А что уж донесет до океана, до вечной жизни земли, — бог весть, этого не рассчитаешь заранее...

Давно прошли времена, когда литературоведов в судьбе писателей интересовали только творческие взлеты, «пробежки», плоды, а периоды созревания плодов, периоды молчания игнорировались... Прошли времена, а инерция осталась. Осталась привычка замечать только хорошее и не замечать малоудачное. Привычка молчать, если нельзя хвалить. Не отсюда ли, кстати говоря, тот общий панегиризм, который захлестнул жанр современной рецензии?

А ведь в развитии каждой писательской судьбы важны и поучительны все его ходы, извивы, повороты. И малоэффективный опыт все-таки опыт, и недостаточно совершенное художест-

венное явление все-таки явление, изучение которого порою помогает постичь какие-то очень серьезные закономерности словесного творчества.

Привычка замалчивать несовершенное особенно распространена у нас по отношению к художникам значительным, талантливым. А между тем именно у ярких талантов искания всего поучительней, потому что это искания душ глубокодумных, острочувствующих, которые и в неудачном творении остаются самобытными. Возьмем, к примеру, лишь один день в творчестве некоторых современных «деревенщиков», а именно тех из них, которые работают на сходном материале — на материале жизни северной деревни. Имена этих писателей не нуждаются в рекомендациях — Ф. Абрамов, В. Белов, В. Тендряков. В 1973 году все они выступили в толстых журналах с новыми произведениями.

Василий Белов избрал на этот раз жанр пьесы¹. Он по-прежнему проявляет пристальный интерес к проблемам социально-нравственным, к изображению основ деревенской жизни. Время действия пьесы — почти современность, деревня шестидесятых годов. Социальные коллизии тесно переплетаются с показом взаимоотношений разных поколений советских людей, с изображением семейных связей, с темой отцов и детей. Таким образом, исходная позиция для наблюдения за процессами сегодняшней сельской жизни занята как будто бы перспективная, обещающая пытливому исследователю открытия. К сожалению, само осмысление реальности оказалось на этот раз у В. Белова поверхностным.

Идейный пафос произведения, его глубина и содержательная ценность во многом определяются тем «полем действия», теми конфликтными ситуациями, которые избирает писатель для показа душевной жизни героев. Степень обобщающего отражения процессов реальности в различного рода человеческих отношениях весьма различна. Эти отношения могут обнажать и всю противоречивую сложность социального мира, но могут обнажить и какие-то очень частные, поверхностные его слои.

В первом действии пьесы В. Белова основная коллизия — столкновение председателя колхоза Николая Касаткина со своим отцом, рядовым тружеником Федором Дмитриевичем. Они по-разному смотрят на реорганизацию сельской жизни, на дальней-

¹ Белов В. Над светлой водой (пьеса в двух действиях). — «Наш современник», 1973, № 1.

шие судьбы деревни. Председатель колхоза — за укрупненное ведение хозяйства, за ликвидацию мелконаселенных пунктов. Его отец — за те традиционные формы землепользования, какими «люди жили испокон веку», за сохранение деревень даже самых мелких, которые «по семьсот лет стояли». Казалось бы, чего тут спорить: новое остановить нельзя, сама действительность властно требует дальнейшего прогресса в переустройстве сельской жизни. Укрупненные формы ведения хозяйства — это путь не только к высокому экономическому эффекту, но и дорога к резкому улучшению бытовых условий жизни в селе, к дальнейшему повышению культуры, к стиранию граней между селом и городом. Однако в этом несколько запоздалом и наивном споре симпатии автора на стороне старика Касаткина. Поэтому и диалог этих героев конструируется так, что речь председателя (сильно потесненная по площади) умышленно обедняется, аргументированно разоружается, а слова малограмотного Федора, по-народному цветистые и хлесткие, приобретают особую весомость. Но любопытное дело — даже такая трансформация не убеждает нас в правоте Федора:

Федор. А помнишь, как за рекой сорок гектаров пашни было? У тебя теперь там болото — во! Все заросло ивушкой да ольхой! Начисто!

Председатель. Сделаем культурные пастбища.

Федор. Да ведь было уже сделано! И все культурно. Старика эти места на карачках выползали. Перед войной я бригадирничал, помню! Десяносто пудов ржи с гектара! Это за Каменкой-то! А покосы какие? По двести стогов в Чищенье ставили, кормили все стадо. И коров было того не меньше.

Председатель. Ну и что?

Федор. А то, что теперь там одни рыжики. Все заросло! Так ты и остатки хочешь забросить? Каменку долой! Из всех списков. Середнюю деревеньку — на дрова, Заболотье деревню — мешалкой по заднице.

Председатель. Туда им и дорога.

Федор. Деревни-то... по семьсот лет стояли, не меньше... Ладно, тебе их не жалко. А землю? Рыжиками, что ли, коров будешь кормить. Ведь ежели деревни не будет, то и земля ольхой зарастет! Кто будет косить ходить? За десять, за двадцать-то верст? Нет, ты одно поешь — долой Каменку! Знаменское тоже долой. Круши все заподряд, будем по-городскому жить, все в одной куче.

Председатель. А ты как думал? Что я тебе, столбы к каждому хутору? Радио, клуб, магазин в каждой деревне?

Федор. Вот, вот! Чтобы тебе ловчее! Чтобы по тилифончику руководить, снял трубочку, и баста. Как на фабрике. А нет, ты подведи, подведи столбы-то! К каждому дому. Да с твоими-то машинами, с экой-то техникой! И в поскотину можно провести электричество, не то что к каждому дому. Нет, а ты и читально сделай в каждой деревне, и ларек поставь, чтобы за хлебом в Покровское не ходить. А деревню не нарушай. Ты думаешь, у тебя народу прибавится, ежели деревни порушишь?»

Культуре новой жизни, удобствам быта Федор противопоставляет поэзию изначального крестьянского уклада: «Ты там кирпичный дом выстроил, с водопроводом. А ежели мне в самовар охота решной воды? с Каменки? Ежели мне в своем доме охота? Ты там кабинок настроил... Ни печи, ни погребка, лоды в одной куче. Мало ругани-то? Ульи на крышу ставить? Корову не надо, молоко с фермы... А ежели оно у тебя силосом пахнет, твое молоко? Да мне его даром давай, не надо».

Итак, столкновение между Федором и Председателем выливается, по существу, во все тот же уже изрядно надоевший конфликт между городом и деревней, конфликт, который, на мой взгляд, имеет в наше время больше литературную питательную почву, чем реальную. И в этом споре автор наделяет его участников далеко не равными достоинствами, а значит и возможностями защиты своих позиций. Федор обладает чувством поэзии жизни, Председатель лишен его. Федор — эмоционально одаренная натура, младший Касаткин — душевно примитивен и сух. Он готов «раскулачить» родного отца, он готов действовать силой. Недаром ведь и в списке героев пьесы он числится лишь под должностным своим обозначением — председатель.

В одной из своих статей К. Федин как-то очень характерно отметил: «Мастерство художника — это прежде всего мастерство наблюдения и понимания жизни и только вместе с тем мастерство воплощения жизни в художественном образе»¹. Думается, что на этот раз В. Белову изменило именно «мастерство наблюдения», мастерство осмысления реальности. Определяющие конфликты в развитии сегодняшней деревни лежат не в плоскости любовной борьбы традиционного с новым, не в решении вопроса: двигаться ей вперед или оставаться неизменной, стародедовской, а в противоречиях самой нови, в необходимости борьбы с теми негативными процессами, которые ей сопутствуют, ее ослабляют. Поэзия и красота жизни вовсе не фатально враждебны про-

¹ Кузнецов М. Романы Константина Фебина. М., «Худож. лит.», 1973, с. 42.

грессу, но дело в том, что любые экономические сдвиги и социальные перемены вызывают серьезные коррективы в душевном состоянии людей. И дело художника — их исследовать. Дело художника — осмыслить, понять и выразить великую правду нового. И это несравнимо труднее, чем поэтизировать привычные, но пройденные формы бытия. Деревенская литература наших дней много говорит о том, какие нравственные ценности нужно нам сохранить в век стремительного движения к далям (и это, разумеется, важно), но не менее важен вопрос, какие свойства характера надо воспитывать в людях, осуществляющих этот прогресс.

Поверхностное осмысление социальных коллизий не может, разумеется, способствовать их развернутому изображению. К концу первого действия этот конфликт в пьесе, по существу, уже снимается и заменяется показом внутрисемейных отношений: историей неудачного замужества дочери Федора Касаткина — Даши. Но и этот конфликт теряет свою реальную ценность, ибо он также конструируется писателем искусственно, сквозь призму противопоставления деревни и города.

Даша всем сердцем любит простого крестьянского парня. Под старой рябиной, «над светлой водой», они клянутся в любви друг другу до гроба. Но Ваню призывают в армию, и буквально на следующий день под той же рябиной у Даши происходит свидание с городским парнем Георгием. Через несколько дней они объявляют о своем желании жениться и, поссорившись с родителями, уходят в самостоятельную жизнь. Между действиями пьесы проходит больше двух лет. Молодые заезжают на побывку в Каменку. Возвращается из армии Иван. Георгий и Даша как будто бы счастливы. У них двухлетний сын. Но вот выясняется, что отец ребенка вовсе не Георгий, а Иван. И к Даше вдруг приходит прозрение, что она все это время любила не Георгия, а только одного Ивана. Семья распадается...

Оставим в стороне явную мелодраматическую окрашенность всей этой «необыкновенной истории». Согласимся с лукавой мудростью: в жизни чего не бывает. Попытаемся проанализировать лишь философскую подоплеку этих отношений, смысл тех моральных сентенций, ради которых, по-видимому, и написаны эти сцены. Даша, по замыслу автора, — натура одаренная, заботливая и чуткая (отношение к отцу), с чувством долга (отложила институт, согласилась работать дояркой), развитая и умная (окончила школу с медалью). Но это натура именно крестьянская и не только потому, что она (по собственной ее характеристике) умеет и «молотить в четыре цепа», и лен

трепать, и хлеб печь, и «вышивать, вязать». Ее сущность с наибольшей полнотой обнажается в том главном испытании, которому она подвергается, испытании любовью. В любви она целиком лишена активного начала, ее дело принимать и отвечать на любовь. Любил ее Иван — она ему отвечала, увлек Георгий — она покорно пошла за ним. Ибо таково старокрестьянское представление о роли женщины в любовных отношениях.

Георгий — сын современной городской культуры, студент, исповедующий принципы «свободной» любви. Автор обильно оттеняет в его поведении, манерах, жестах, речи привычки типичного городского юноши, избалованного и удобствами жизни и материальным достатком. Но вот что любопытно: Георгий от природы вовсе неплохой человек, он способен к глубоким привязанностям, он совестлив, обладает чувством справедливости. Но легкая городская жизнь воспитала в нем беззаботное отношение к своим обязанностям, легкомысленное отношение к любви. У него было уже немало романов, были Эльки и Светки, с которыми он сходил и расходился бездумно. Дашу он полюбил как будто во всерьез, был счастлив с нею. Однако счастье ему уже противопоставлено, потому что Георгий в борьбе за него совершил изначальную подлость: он увлек девушку, которая любила другого. Глубина и искренность его чувств уже не имели никакого значения, воля и решение самой девушки также не принимались во внимание. Поэтому в семейной жизни Георгий потерпел катастрофу.

Третье слагаемое любовного треугольника Иван — фигура чисто условная, вовсе лишенная какой-либо реалистической объемности. Это уже персонаж, целиком подчиненный авторской интенции. Крестьянский сын Иван в любви беспредельно предан. Все два года в армии он думал только о Даше, засыпал с ее именем. И после двух лет любовь не прошла, стала еще сильнее, Ваня не представляет себе жизни без Даши. Он узнает, что у нее растет его сын, видит, что Даша любит только его, Ивана, что она снова одинока... И все-таки он не может простить ее, ибо такова старомужицкая мораль, не прощающая женского греха, видящая в женщине нераздельную собственность...

Вот по существу та концептуальная основа, выраженная логикой развития образов, те традиционно-деревенские любовные отношения, которым отдается в пьесе авторская симпатия. Нельзя не заметить при этом и умышленно сгущенного изображения краха «городского сына». Георгий обделен родственным теплом. Полковник, оказывается, вовсе не родной его отец. Мать Георгия,

зав. земельным отделом, — ходячая карикатура, женщина умственно и духовно ограниченная, не понимающая ни мужа, ни сына, ни своего дела. Поэтому в итоге вся жизнь Георгия приобретает иллюзорный характер. Он говорит, обращаясь к матери: «Кругом одна ложь. Даша обманывала меня два года... Ты обманываешь меня двадцать лет». Он ощущает себя человеком без связей, никому не нужным, никому не близким: «Я ничей! У меня нет ни отца, ни жены, ни сына, я ничто!»

И производственно-общественные процессы, и лично-семейные связи в сегодняшней «стронутой» деревне, в деревне, переживающей бурный период обновления форм бытия и небывалый культурный взлет, — гораздо более сложные и более многозначные, чем они увидены писателем.

Достоверность художественного изображения достигается не только правдой борьбы, но и гармонией конфликтов и образов, их тесной взаимообусловленностью. Мало считать, что писатель не выдумывает сюжет произвольно, что сюжет определяется развитием характеров, важно помнить и об обратной зависимости: характеры строятся движением сюжета. Писатель познает людей в их жизнедеятельности. И если исходные отношения героев, исходные коллизии увидены художником неверно, это не может не влиять и на познание душевных процессов. Думается, что лобовая определенность и однозначность, с какой нарисованы в пьесе В. Белова противоборствующие персонажи (идиллически — защитники старой деревни, отчужденно и почти сатирически — поборники новой), является поэтому вовсе не случайной. Это следствие неточного осознания писателем процессов реальности и отсюда — произвольного конструирования эстетического микромира.

Художественное произведение — концентрация процессов реальности и в то же время диалектически изменяющийся мир. И в этом особом сгущенном мире наряду с гармонией обстоятельств и типов есть еще одна закономерность: гармония движения. Конфликты и характеры развертываются в произведении взаимосвязанно, синхронно, исподволь. Само исследование душ ведется писателем вместе с исследованием потока жизни. В противном случае, при характерах «готовых», до конца разгаданных, произведение лишается познавательного пафоса. Сама обозначенная в произведении коллизия теряет смысл, сюжет не работает на образы, не высвечивает их. Ослабление движения характеров и упор на движение событийное резко снижает чув-

ственное выражение художественной истины, придает этому выражению головной, рассудочный смысл, холодный назидательный оттенок.

В. Тендрякову никак не откажешь в высоком накале авторских чувств, в демонстративно смелом выявлении авторской позиции. Темпераментность в выражении истины — сильная сторона его таланта. Повести В. Тендрякова всегда отличались напряженностью сюжетных положений, остротой и динамизмом борьбы. В. Тендряков вошел в историю советской литературы как один из самых решительных разрушителей теории бесконфликтности. Лучшие вещи писателя, такие, как «Не ко двору», «Ухабы», «Суд», «Чудотворная», «Поденка — век короткий», получили широкое признание именно как образцы заостренного выражения жизненной правды. Но наряду с признанием достижений художника в спорах вокруг его произведений нередко раздавались и голоса, выражавшие тревогу за слишком оголенную проблематичность его изображений, за их недостаточную художественную обеспеченность. Вероятно, эти опасения не были беспочвенными. Об этом наиболее явственно свидетельствует повесть «Три мешка сорной пшеницы»¹.

Авторская настроенность в повести не может не вызвать симпатии. Повесть проникнута страстью к добродеянию, призывом к справедливости и к правде, к душевной широте и зоркости. Она привлекает нас своей направленностью против жестокости, недоверия к людям, эгоистических расчетов. Но вот ведь какое дело: давая пищу для раздумий, повесть не вызывает особых переживаний, будоража ум, не тревожит сердце...

Обратимся к конфликтам произведения.

Последней военной осенью бригада уполномоченных по заданию из области отправляется в соседний район для изыскания дополнительных хлебных резервов, «собирать хлеб, когда он давно уже собран и вывезен». В одном из колхозов были обнаружены «три мешка сорной пшеницы», которые председатель колхоза оставил до весны, чтобы потом во время полевых работ «по горсточке выдавать работникам». И вот вокруг этой-то «жалкой кучи сорного зерна» и загорается весь сыр-бор. Одни считают, что это «укрытие хлеба», зерно надо вывезти, другие предлагают оставить его в колхозе. Первые мотивируют это тем, что бригада должна оправдать доверие руководства области, заготовить сколько-то хлеба, вторые полагают, что надо думать о мирных днях, о будущих урожаях, не подрывать колхоз

¹ «Наш современник», 1973, № 2.

окончательно. Конфликт этот проходит через всю повесть, он разворачивается обстоятельно, этап за этапом. Сначала герои довольно мирно спорят, потом в непримиримом противоборстве схватываются друг с другом попарно: Тулупов — Божеумов, Божеумов — Кистерев, затем в финале повести сталкиваются все, образуя два лагеря...

Для разворачивания задуманной сюжетной истории, показа задуманных форм поведения героев такая коллизия, по-видимому, удобна. Она ведет к прямому выражению авторских идей. И факты такого рода, факты «укрытия», разумеется, могли иметь место. Но развитие этого факта, движение самой коллизии, вряд ли можно признать типичным. Конфликт в таком продолжении противоречит общественной атмосфере тех лет, существовавшей тогда системе отношений между государством и колхозами. Лозунг «Всё для фронта!» в годы войны был выражением активной общественной практики. Когда миллионы людей на фронтах отдавали за Родину жизнь, крестьяне в тылу отдавали государству последнее. Хлеб из колхозов вывозили подцистую. И никого не надо было убеждать в необходимости этого. Сейчас сквозь призму десятилетий в подобной практике можно видеть и перехлесты и перегибы, можно спорить о целесообразности этих мер. Но тогда об этом не спорили, считали, что так надо. Верно это или неверно, но так было.

«Подстроенность» конфликта в повести В. Тендрякова обнаруживается и в формах разворачивания сюжета. Конфликт в произведении не связан с движением характеров, с их раскрытием, так как характеры с самого начала декларативно обнажены, однолинейно заострены и резко противопоставлены друг другу. Божеумов и Кистерев... Человек, проповедующий жестокость, насилие, подозрительность, — и человек, исповедующий участливость, совесть, доброту. Натура, совершенно чуждая канонам порядочности, — и натура, безукоризненно справедливая и честная. Ясно, что это не просто характеры-антиподы, не просто потенциальные враги в любых общественных столкновениях, это типы людей, взаимоисключающие друг друга, психологически несовместимые. Их несовместимость выявлена с самого начала, в эпизоде столкновения Кистерова и Божеумова на крыльце райисполкома, но пока она показана в этическом плане: человек высокой внутренней культуры противопоставлен невеже и грубияну.

Дальше, еще до роковой истории с «сорной пшеницей» сталкиваются их общественные позиции и методы, принципы их воздействия на людей. Божеумов — за резко приказные формы

руководства и устрашающие демагогические приемы. Он ставит «вопрос ребром: или хлеб или саботаж! Других разговоров с вами не будет!» Кистерев за меры разъяснения и убеждения, за влияние на людей «добрым словом», потому что «страх в людях умер, а совесть еще жива».

Таким образом, еще до начала основного конфликта, до истории с «сорной пшеницей», эти главные борющиеся характеры уже выявлены. И все остальные перипетии затянувшейся борьбы в них уже ничего не проясняют. Ясно, что Божеумов — бюрократ и карьерист, способный на любые шаги для своего утверждения, ясно, что Кистерев — человек для людей, умеющий жить заботами народа. Но создается впечатление, что писателя не особенно беспокоит такая предопределенность в поведении героев и в развитии сюжета. Он подключает к «подстроенной» коллизии все новые линии человеческих связей, располагая героев на противоположных полюсах конструкции. Дальновидному, творчески одаренному секретарю райкома Бахтьярову противопоставлен руководитель бригады уполномоченных ограниченный и тупо исполнительный Чалкин. Председателю колхоза «святому человеку» Адриану Фомичу — бывший каторжник, сын кулака Митрофан Зобнин. Эта последняя параллель, параллель-противопоставление, особенно симптоматична, особенно показательна для конструкции повести. Адриан Фомич — всеобщий радатель, всегда готовый бескорыстно помочь любому. Это сторонник бесхитростно-простых отношений: «накормить голодного, согреть замерзшего, приютить бездомного, помочь обессиленному». Живет он трудно, как и все, питается травяными лепешками, но дом его открыт для всех. Это человек, страдающий «за лишнее богатство души», против зла идущий с лаской, готовый простить и пригреть даже убийцу родителей приемного сына. Зобнин — крайнее выражение анигуманизма, человек, ставший хуже зверя, враг любого добра, на любое участие отвечающий злобой, убежденный в одном, что «съедят люди друг друга». Итак, доброта, гиперболизированная до уродства, и зло, сгущенное до предела, «святой апостол» и прожженный убийца.

Для чего же автору понадобились эти контрасты, эти противостоящие судьбы, кстати, не очень-то связанные с движением основной производственной коллизии? Для комплексного решения при помощи задуманной конструкции еще одной проблемы: проблемы становления человека, формирования и воспитания юной души. Через все обозначенные «силовые линии» сюжетного поля, пересекая их, проходит еще одна человеческая история — история главного героя, комсомольского работника Евге-

ния Тулупова. Это единственный развивающийся характер в повести. Тулупов — член бригады уполномоченных, призванной изыскать хлеб. Это натура пытливая, беспокойная, ищущая. Он видит истинное положение дел, хорошо ощущает душевное состояние и интересы людей. И это дает ему возможность выбрать верную позицию в конфликте сторон, поддержать Бахтиярова и Кистерева, выступить против действий своей бригады. В кульминации повести, когда нужно было выбрать между правдой и личным благополучием, между честью и служебной карьерой, герой поднимается до настоящего морального подвига.

Процесс нравственного обогащения героя в повести задуман писателем интересно. Но сам этот путь, вследствие искусственности сюжетных положений, также во многом получился искусственным. Отправной момент истории Тулупова — война. Фронт научил Тулупова ценить обыкновенную человеческую жизнь, обыкновенные радости. И фронт подарил ему наивную, но возвышенную мечту о будущем совершенстве человечества, о которой Тулупов вычитал в случайно найденной в землянке книжке средневекового монаха Томмазо Кампанеллы. От этой прекрасной утопии через углубленное познание истинных человеческих отношений, реальных связей и реальной борьбы и идет юноша Тулупов к большой гуманистической правде, к обретению истинных критериев в оценке людей. Борьба Кистерева с Божеумовым учит его принципиальности, стойкости и отрешает от прекрасодушия; линия Фомич — Зобнин учит пониманию меры добра и ее направленности, любовь к непритязательной и бесхитростной Вере — мудрости земной любви и традиционных семейных отношений... Герой закаляется, мужает, зреет. Но вся беда в том, что он подвергается не всамделишным жизненным испытаниям, а идет сквозь искусно разработанные схемы. Поэтому и сама его судьба становится экспериментальной, лабораторной, осмысливается писателем рассудочно.

В этой повести В. Тендрякова, на мой взгляд, особенно отчетливо проявляются противоречивость его писательской манеры, сильные и слабые стороны его письма: важность проблематики, острота сюжетных положений, но «подстроенность» многих ситуаций; публицистическая страстность мыслей, но рассудочная оголенность в их выражении. В свое время некоторые критики упрекали В. Тендрякова в недоверии «ко всей площади изображения», в пристрастии к казусу, к ситуациям исключительным, критическим¹. По-видимому, не в этом глав-

¹ Бил ин к и с Я. Изображение жизни. — «Север», 1965, № 5.

ное. Каждый художник волен в потоке жизни выделять особо интересующие его моменты, сгущать и концентрировать их напряженность по своему усмотрению. И в казусных случаях можно обнажать законы жизни, лишь бы сам казус был правдивым выражением накала общественной борьбы. Все лучшие произведения В. Тендрякова «казусны». Чрезвычайность исследуемых фактов — характернейшая черта его стиля. И эта тяга к чрезвычайности не помешала ему создавать произведения, которые становились явлением в литературной жизни.

В повести «Три мешка сорной пшеницы» между казузом и исторической реальностью образовались ножницы. Поэтому с самого начала повествование пошло по искусственному руслу. Получилось это вследствие чрезмерно сильного стремления писателя подключить повествование к сегодняшней действительности, к современным нравственным исканиям, к сиюминутным дискуссиям и спорам. По-видимому, в самом этом подключении должно быть чувство меры. Остро современными могут быть только вещи, безукоризненно верно выражающие дух изучаемой эпохи, общественный климат времени. Без конкретной историчности в познании прошлого произведение не может служить и настоящему.

Отсутствие заданности, свободное течение художественной мысли обеспечивают свободу характера, его естественное развитие и движение, его произвольное и гармоническое самораскрытие. Ведь именно с этим связаны «капризы» характера, неожиданные его извивы и душевные выпады, совершенно «не предусмотренные» автором повороты судеб. И показателем состоявшегося литературного характера — не только заинтересованные читательские размышления и споры о нем (чего уж тут спорить, например, о Божеумове!), но и непрямолинейность, многоступенчатость его узнавания. Истинный характер не исчерпаешь сразу, ибо это всегда судьба сконцентрированная, в нем всеидно сплавлены и конкретный исторический опыт и общечеловеческое нравственное содержание, и сиюминутное и вечное. Характер развивается вместе со временем, и время, духовные потребности конкретной эпохи по-разному выделяют и высвечивают различные грани его. И еще: характер далеко не сразу поддается разгадке, даже когда к нему подступаешь во всеоружии критических «отмычек». По крайней мере очень рискованно выносить ему приговор, пока писатель не завершил его историю. В этом случае легко исказить авторский замысел.

Именно так и случилось с романом Федора Абрамова «Две зимы и три лета» и, в частности, с трактовкой одного из главных героев этого произведения — секретаря райкома Евдокима Поликарповича Подрезова. «Хозяину района» не повезло. Его ругали во многих рецензиях на книгу писателя. Б. Панкин, автор одной из лучших статей о романе Ф. Абрамова, увидел в Подрезове лишь олицетворение «щегольской жестокости», для которого все окружающие его люди — «колхозники, председатели, лесорубы, как на подбор ленивы, трусливы, несознательны, жалостливы», и он руководит ими «во зло им»¹.

Каюсь. Я тогда думал примерно так же и настойчиво доказывал в журнале «Север», что Подрезов «знает цену народу, но не любит человека», что безжалостность он считает «важнейшим условием успешного руководства».

Так казалось нам, критикам, ибо мы пытались судить о герое лишь на основе некоторых частных проявлений его характера, спешили с итоговой его оценкой, не дожидаясь полного проявления его натуры.

Но вот появилась в печати третья книга романа Ф. Абрамова «Пути-перепутья»², в которой образ Подрезова, занявший в ней главное место, раскрылся в полной мере, и несостоятельность наших первых критических измышлений о нем стала совершенно очевидной.

Подрезов показан в новой книге крупным планом, автор исследует весь процесс формирования его нравственного мира, образ «хозяина района» оказывается в центре всех конфликтных ситуаций. И опыт познания характера Подрезова в новой книге еще раз убеждает нас в необходимости целостного восприятия человеческого мира, уяснения всех причинно-следственных закономерностей его жизнедеятельности.

Итак, кто такой Подрезов, какой он, какими отношениями рожден этот характер? Всем содержанием истории героя автор опровергает концепцию, гласящую о жертвенности этого персонажа, мысль о том, что Подрезов — «мученик своего долга перед народом» (Б. Панкин). Нет, это творец и хозяин новой жизни, поднявшийся на гребень общественного движения из самых низов крестьянской таежной Руси. С восьми лет он уже «стал за верстак», в десять — «колотил рамы». А в двадцать четвертом, когда ему исполнилось семнадцать и в глухую деревушку

¹ Панкин Б. Живут Пряслины. — «Комс. правда», 1969, 14 декабря.

² «Нов. мир», 1973, № 1—2.

пришла культурная революция, он ребят кликнул и с этими зелеными помощничками, которых «соплей перешибешь», построил к осени школу. И как строил! На своем горбу перетаскал от реки бревна, а стекло для рам за девяносто верст на лодке протасил «через сто десять порогов и отмелей».

Подрезов — подлинный сын своего народа и своего времени, и все его силы без остатка отданы Родине, коренному обновлению страны. Жизнь Подрезова — сплошная самоотдача, труд на пределе. Это один энтузиастский порыв, рожденная революцией вспышка необузданной народной энергии. «Я как вырвался на просторы из своей берлоги — мир, думаю, переверну». «В восемнадцать — председатель сельсовета, в двадцать — председатель коммуну. Первая пятилетка, коллективизация, — вся жизнь на дыбы. Сегодня — в лесу, завтра — на сплаве, послезавтра — в колхозе. По трем суткам мог не смыкать глаза... Лошади подо мной спотыкались да падали».

Подрезов окончил всего четыре класса. Жизнь тогда не давала отсрочки для учебы. Но он руководил районом с глубоким знанием дела. И эта предельная соучастность во всех деяниях своих земляков, полная осведомленность в их радостях и горестях — сильнейшее качество Подрезова как руководителя. Подрезов по-крестьянски, «на ощупь» знает свою землю, свой край лесной. Сам «на деревянной каше вырос. Пинегу выбродил с багром в руках чуть ли не от вершины до устья и людей знал наперечет». Да что людей! «В войну и лошадей по кличкам знал. По всему району, во всех колхозах». Он «всё умел делать сам: пахать, сеять, косить, рубить лес, орудовать багром, строить дома, ходить на медведя, закидывать невод». Поэтому он изнутри ощущал настроение человека труда, умел «залезть в его рабочую шкуру».

Ну, а как быть с той «философией жестокости», которую, как нам казалось по второй книге, проповедовал этот глава района? Выла ли жестокость? Да, была. В этом нетрудно убедиться, перечитав главы романа «Две зимы и три лета», где фигурирует Подрезов. Действия, указания, приказы Подрезова действительно порою были жесткими. О необходимости перевести людей с посевных работ на сплав Подрезов так говорит председателю колхоза Мининой:

«— К вечеру всех выгнать к реке.

Анфиса побледнела.

— А как же сев?

— А ежели лес обсохнет, тогда что? Раненько демобилизовались...

Всё — разговор окончен. Раз Подрезов начал грохотать тяжелой артиллерией (демобилизация, антигосударственная практика, саботаж, близорукость — смысл этих слов хорошо был известен Анфисе) — зажми рот, не возражай. Правда, эти страшные слова полетят в нее и в том случае, если она завалит се, но сейчас не время доказывать свою правоту»¹.

Ничего не скажешь, жалостью тут не пахнет. И все-таки несправедливо называть эти меры Подрезова «щеголянием жестокостью», неверно думать, что он возводит жестокость в принцип. Подрезов требователен к людям во имя высших целей, во имя достижения всеобщего блага и всеобщего добра. У него нет вредного местнического рвения к достижению благополучия лишь своего района (а как это сильно развито в некоторых руководителях до сих пор!), он смотрит на жизнь широко, по государственному, он постоянно помнит о нуждах и заботах Родины и во имя ее благоденствия готов на все. Слово у Подрезова не расходится с делом, требуя с других, он беспощаден к себе. Вспомним аскетический личный быт вожака коммунистов, его скромную комнату, заваленную столярными инструментами... Полная самоотрешенность во имя успеха общего дела — это ли не высокое коммунистическое качество!

Не все так просто в душе у секретаря райкома. Наивно было бы думать, что он не видит отрицательных сторон проводимой хозяйственной практики. Нет, он сам крестьянин и понимает, как трудно колхозам, когда у них каждый год выгребают хлеб подчистую. Слова Лукашина о том, что негоже ему, председателю колхоза, «только кнутом размахивать», что «надо овсецом, овсецом лошадку погонять», для Подрезова вовсе не откровение. Но он убежден, что пока так надо, раз с овсецом нехватка, надо во имя будущего его изобилия. И он делает все для того, чтобы оно было. И на самоотверженной организаторской работе тысяч таких Подрезовых держалась страна. Они сами действовали как неустанные генераторы энергии и возбуждали колоссальную жизнестойкость у миллионов рядовых тружеников. Так было. И грешно было бы упрекать их за это.

Наиболее полно Подрезов как руководитель раскрывается в конфликте с директором Сотюжского леспромхоза — молодым инженером Зарудным. Конфликт этот чрезвычайно острый и в то же время жизненный. Это, по существу, столкновение новых и старых форм руководства, коллизия, связанная с внедрением

¹ А б р а м о в Ф. Две зимы и три лета. Л., «Сов. писатель», 1969, с. 51.

в лесное производство новой техники, новых форм труда. Реорганизация лесного дела властно диктовалась временем, самими обстоятельствами жизни («Лесок поблизости от рек выбрали, и теперь с лошадкой ничего не сделаешь. Надо на механическую тягу переходить, узкоколейки строить, лежневки...»).

И вот в этих-то новых условиях труда в лесу Подрезов как руководитель впервые почувствовал свою беспомощность. «Раньше было просто. Задание получил, по леспромхозам, по лесопунктам, по колхозам раскидал, людей в лес отправил, а остальное уж от тебя зависит, от того, как ты сумеешь извернуться». И Подрезов умел изворачиваться, благо сам досконально знал всю дедовскую механику лесного труда, сам ощущал себя первым инженером. Во всем. Во все мог вникнуть, учесть, подсказать. Теперь не то — в век тракторов, лесовозов, механических пил. «Теперь стой сбоку, в сторонке, и жди, что тебе скажет ученый молокосос, потому как ты во всей этой железной механике и во всех этих проектах и графиках, вычерченных в Москве и Ленинграде, ни бум-бум».

И все-таки Подрезов не складывал рук, лес всегда для него оставался важнейшим фронтом. Правда Подрезова — простая, прямая, суровая: любыми средствами помочь стране выполнить план, дать кубики. И путь для этого один: максимальное напряжение всех сил, труд, труд и труд. Правде Подрезова противостоит правда инженера Зарудного. Зарудный — за первостепенную заботу о создании прочной базы для реорганизации лесного хозяйства, за организацию устойчивых рабочих кадров, а для этого важно сделать резкий крен в улучшение быта, форсированно строить жилье, направляя на это и средства, и рабочих.

Своего наивысшего напряжения этот конфликт достигает в великолепно написанной сцене заседания районного партийного актива, на котором Подрезов стремится дать решающий бой Зарудному. Зарудный в своих убеждениях непреклонен. Он за четкое, научно обоснованное ведение лесного хозяйства. Со своими предложениями он не побоялся обратиться прямо в Москву, в министерство, через голову района и области...

Подрезов — за немедленное приложение всех сил к выполнению задания. Ибо временный отказ от строительства жилья позволит почти на треть увеличить заготовку древесины. Так кто же прав? На это не так-то просто ответить. Далеко не просто, потому что полстраны лежит в руинах. Да, конечно, эпоха технической революции властно требует пересмотра условий труда в лесу. Но и излечение Родины от тяжких ран не

терпит промедления. Трудно возразить против слов Подрезова, произнесенных со всем жаром искреннего патриотического чувства: «Придет время — в отдельных домах будем жить... А теперь покамест придется немного потерпеть. Страна кричит, требует: дай лес, дай лес! Люди на разоренной врагом территории живут еще в землянках, мерзнут в хибарах, каждой доске, каждой жердине рады. А мы не можем год-два в бараках пожить? Да советские ли мы люди после этого? Братья и сестры мы?»

Вот он, настоящий реальный конфликт, в сгущенной художественной форме отражающий глубинные процессы самой действительности, ее неумолимые закономерности и ее сложнейшие противоречия. Здесь ничего не решишь лобовой дилеммой — или-или, поскольку та и другая правда имеют веские основания для уважительного к ним отношения.

Жизненность, густая социальная наполненность такого конфликта позволяют художнику лепить крупные, правдивые характеры, душевный склад которых и отражает многозначный дух времени.

Реальные конфликты отличаются от лабораторных отсутствием стерильности, многообразными, часто неожиданными формами сцепления с действительностью. Борьба Подрезова с Зарудным завершается драматическим финалом именно потому, что она, эта борьба, неожиданно пересекается другой коллизией, рожденной логикой движения самих характеров.

Подрезов не лишен честолюбия, но он умеет ценить человеческое достоинство. Ему органически чужд дух раболепия, угодничества, заискивания перед вышестоящими. К сожалению, независимость и самостоятельность характера далеко не всегда приходят по вкусу тем, кто занимает более высокую ступень служебной лестницы. После смены руководства в области Подрезов попал в немилость. Его имя по пустячному поводу было упомянуто в сатирической рубрике областной газеты. Это было началом конца... Газета пришла в район как раз во время заседания партактива. В перерыве ее прочитали все. И секретарь райкома Подрезов, казалось бы, уже победивший своего противника в напряженной лесной дискуссии, своими же подчиненными был сброшен в пропасть... Эта вторая кульминация «лесной» сюжетной линии также написана удивительно правдиво. И это опять-таки не сконструированный занимательный ход, а истинная проверка, испытание характеров. Реакция на чужую беду, отношение окружающих к человеку, не ставшему иным, а по чьей-то воле оцененному иначе, показаны в романе как

средство выявления подлинности людей, обнажения их скрытых качеств. Многие из близких к Подрезову людей, которых он сам выдвигал, сам пригрел и вознес, сразу же обрушили на поверженного шквал огня.

«Вся грязь, весь хлам, вся погань всплыли наверх. Северьяха Мерзлый, тот самый Северьяха, который еще сегодня утром дозорил его у входа в райком — дескать, какие указания будут? в каком разрезе выступать? — Митрофан Кузовлев, Санников, Фетюков...

Все орали, горланили, размахивали руками, лезли на трибуну: Подрезов... Подрезов!.. Подрезов — тормоз... Подрезов житья не дает, Подрезов — воевода, который всех подмял под себя... А в колхозах который год трудодень пустой — кто виноват? Подрезов... А из-за кого в магазинах ни чаю, ни сахару? Из-за Подрезова...

Все из-за Подрезова! Во всем Подрезов виноват!»

Но в этом бунте подчиненных против секретаря райкома — самое непоправимое то, что ведь он сам, Подрезов, творец этого бунта. Он видел и раньше пороки многих из них. «Всех, всех давно в шею надо было гнать. А он их держал. Почему? Да потому, что хорошо кадили, славословили, в ладоши хлопали...» И вот в этом-то, — теперь Подрезов хорошо это чувствовал, — «вина его страшная перед народом, перед партией». Однако не все в тяжкую минуту отвернулись от Подрезова. Некоторые протянули ему руку помощи, вступились за него. И среди них те, снисхожденья от которых он и в думах ожидать не смел, которых он сам «разносил везде и всюду при первом случае». И даже, казалось бы, его непримиримый противник, инженер Зарудный, взял под защиту оступившегося хозяина района.

С неожиданной стороны раскрылся в этой ситуации и характер второго секретаря райкома Фокина, человека энергичного, вдумчивого, обладающего железной выдержкой и, к удовлетворению Подрезова, во многом заимствовавшего у него манеру обращения с людьми. Только что Подрезов резко и оскорбительно, как мальчишку, отчитал Фокина за грубые ошибки, допущенные им во время самостоятельного руководства районом. Нет, Фокин не согласился с ним. Он даже написал заявление об освобождении его от должности из-за принципиальных разногласий с первым. И вот, казалось бы, удобный момент: критический шквал против Подрезова на партактиве. Включайся в эту атаку! «Прыгай прямо с трибуны» в его кресло! И этого ожидал Евдоким Поликарпович. И опять ошибся: Фокин выступил в его защиту с хорошо аргументированной речью, с та-

кой речью, что, прояви первый некоторую нещепетильность в вопросах этики, он опять бы уверенно всплыл на поверхность...

И снова поворот. Снова неожиданный ход в движении напряженного конфликта. Ход, рожденный гармонией обстоятельств и характеров, неумолимо возникающий по логике душевной организации героев. Подрезов сам отвергает предложенное ему средство спасения, поступившись малой правдой во имя большой справедливости, во имя высшей честности. Да, председатель колхоза Лукашин поступил самовольно, выдав хлеб работникам. Подрезов об этом не знал. Ничего не знал он и о каких-то якобы тайных полях другого председателя — Худякова. Может, зря болтают люди... Да, можно отсечь эти факты от райкома, как предлагает Фокин: «Нет никаких оснований связывать с первым секретарем и разбазаривание хлеба в Пекашине».

«Но что тогда будет с Лукашиным и Худяковым? Они-то уж тогда наверняка пойдут ко дну... Знал, не знал, ведал, не ведал... Должен был знать!

Подрезов собрал все силы, какие у него были, встал.

— Лукашин роздал хлеб с моего разрешения. Я приказал.

Постоял, помолчал немного, взглядываясь в ошеломленный зал, и забил последний гвоздь:

— Про худяковские поля здесь говорили. Знал. Все знал. Иначе какой я, к дьяволу, хозяин района, ежели не знал, что у меня под носом делается?..»

Таков Подрезов — характер жизненный и реальный, натура многозначная и противоречивая, личность, глубоко впитавшая и общественно-политическую, и нравственную атмосферу своей эпохи и точно отразившая воздействие многих сторон действительности. И как бессильны в разгадке таких характеров критические шаблоны и мерки, схемы положительных и отрицательных героев...

В мои задачи не входил всесторонний анализ романа Ф. Абрамова. Меня интересовал лишь один аспект — взаимосвязь обстоятельств и характера. Но и проведенный в этой единственной плоскости — через историю главной судьбы — критический срез произведения, мне думается, достаточно явственно обнаруживает зрелость всей художественной конструкции.

В новой книге Ф. Абрамова происходит укрупнение характеров, их дальнейшее психологическое насыщение. И это становится возможным благодаря безусловной правде коллизий, благодаря показу столкновения самых разноречивых тенденций, которые диктуются познанием жизни.